

„Очень напоминала отца...“

(Письма Ольги Анненковой)

1. «ЧТО ЗА ЧУДНЫЕ ДУШИ!»

КТО такая Ольга Анненкова?

Сейчас все, кто начал читать этот очерк, вспоминают ее родителей: блестящего кавалергарда, члена Петербургской ячейки Южного общества декабристов, осужденного на 20 лет сибирской каторги, Ивана Анненкова и очаровательную француженку Полину Гельб, которую так эмоционально сыграла польская актриса Эва Шкульска в фильме Владимира Мотыля «Звезда плещательного счастья» («Мосфильм», 1975 г.).

Иван Александрович Анненков (1802—1878 гг.) был сыном очень богатой московской дворянки. Приехав однажды из Петербурга, где он служил, в Москву, он познакомился там с французской подданной, служившей модного магазина на Кузнецком мосту Полиной Гельб. Сделал ей предложение. Но гордая девушка, не имевшая за спиной богатых родителей, отказала одному из самых выгодных женихов России, считая, что такое замужество будет расценивано как (с ее, разумеется, стороны) расчетливо сделанная партия.

Вскоре наступило 14 декабря 1825 года. И хоть Анненков не находился тогда на Сенатской площади, он тоже вместе со всеми был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и подвергнут, как и остальные, допросам.

Отважная женщина неоднократно проникала в крепость, подкупала охрану, выделась со своим возлюбленным, предлагала ему организовать побег (и организовала бы!).

Но сделать это не удалось. После того, как вопрос о побеге отпал, Гельб передает Анненкову записку: «Я последую за тобой в Сибирь».

Потом она повела себя сле-

дующим образом. После отправки Анненкова в Чернышские рудники стала настойчиво добиваться права уехать к месту его заключения. (Известно, какие препятствия чинила администрация женам декабристов на их пути в Сибирь.) Гельб пошла, как говорится, «за банк»: выехала в Вязьму, где проходили императорские маневры, и подала прошение самому Николаю I. В прошении было сказано: «Позвольте матери просить как милости разделить сылку моего гражданского супруга. Я всецело жертвую собой человеку, без которого я не могу более жить. Это самое пламенное мое желание». В прошении говорилось и о том, что его подательница согласна отказаться от своего отечества, т. е. принять российский подданство.

Так Полина Гельб превратилась в Прасковью Егоровну Анненкову.

Их обвенчали в Забайкалье. Кандалы с жениха были сняты только на момент венчания. Те, кто видел фильм, помнят сцену насильственного разлучения супругов прямо на церковной площадке...

Посаженной матерью на венчании была жена декабриста Михаила Александровича Фонвизина — Наталья Дмитриевна. Просим запомнить это обстоятельство.

19 мая 1830 года у Анненковых родилась дочь Ольга.

Вот такая предыстория. Сама же история, которой посвящен настоящий очерк, должна, на наш взгляд, быть начата с нескольких питат. Цитаты эти известны специалистам, но тем не менее повторить их необходимо.

В ЯНВАРЕ 1854 года Федор Михайлович Достоевский и его товарищи, тоже член кружка Петрашевского, литератор Сергей Дуров закончили своей четырехлетний тяжкий срок и были освобождены из Омской каторжной тюрьмы. И тому, и другому предстояла солдатская служба в качестве рядовых. Но начальство еще окончательно не решило,

когда, кого и куда определить. Образовалось «пустое» время — почти месяц. Его они провели в доме омского офицера Константина Ивановича Иванова.

Это, судя по всему, были слабые дни! Передышка. Глоток свежего воздуха. Нормальные, милые люди вокруг. Чистая простыня. Стопа бумаги. Книжки. Домашняя еда, наконец.

Константин Иванович Иванов стал к тому времени мужем Ольги Анненковой. Вот что, сидя в тот хороший месяц в его доме, написал Достоевский в письме к самому близкому тогда ему человеку — к старшему брату Михаилу Михайловичу.

«Если б не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно. К. И. И-в* был мне как брат родной. Он сделал для меня все, что мог. Я должен ему деньги. Если он будет в Петербурге, благодарю его. Я должен ему 25 рублей серебром. Но чем заплатить за это радушие, всегдашнюю готовность исполнить всякую просьбу, внимания и заботливости, как о родном брате».

К. И. Иванов был военным инженером. Окончил то же учебное заведение, что и Достоевский. — Главное инженерное училище в Петербурге.

Но дело не в «однокашничестве».

Дело в другом. Иванов, как мне видится, был честным и негуставным человеком. Вот два факта, это доказывающие. Он не побоялся жениться на дочери «государственного преступника». Он и не побоялся в течение четырех (!) лет оказывать помощь «государственным преступникам» Достоевскому и Дурову («...сделал... все, что мог!»).

Смею допустить, что, возможно, именно вхождение в семью Анненковых сделало Иванова таким, каким он сейчас перед нами предстает. Может быть, некоторые места из писем его юной супруги в этом убедят читателей — хотя бы косвенно. Но это позже. Вначале о ней самой.

Ольга
Прежде всего, она была красивой. Это утверждают не-

сколько современников, ее знавших.

Например, художник (человек, особенно к красоте восприимчивый!) Михаил Знаменский:

«Высокая ослепительная блондинка», которая «своими тихими и флегматичными манерами очень напоминала о.ца».

Дочь Ольги Ивановны, Елена, вспоминала впоследствии: «Она была замечательно красива, но красотой серьезной и строгой; высокая, строгая и величественная. Ее покойный, углубленный характер направлял ее незаурядный ум на серьезное чтение и горячее внимание на изучение новых веяний».

Неоднократно вспоминает Анненковых-Ивановых Ф. М. Достоевский. Самое первое упоминание уже цитировалось выше. Вот последующие.

Из того же письма от 22 февраля 1854 года:

«... (Константин (Иванович) будет сам в Петербурге в этом году; он тебе все расскажет. Что за семейство у него! Манял жена! Это молодая дама, дочь декабриста Анненкова. Что за сердце, что за душа, и сколько они вытерпели!».

С Анненковой-старшей (т. е. с Прасковьей Егоровной) Достоевский и Дуров познакомились еще по пути к Омску — в Тобольске, в январе 1850 года. В этом городе располагался тогда Приказ осылных — «уникальное» сибирское учреждение, окончательно решавшее вопрос о месте пребывания всех осужденных. Поэтому некоторое время Достоевского держали в Тобольской тюрьме¹. И там произошло событие, хорошо знакомое всем интересовавшимся сибирским периодом биографии великого писателя. Сам он дважды вспоминал о нем. Для полноты картины приведем оба этих воспоминания. Первое — опять же из письма к брату от 22 февраля 1854 года:

«...участие, живейшая симпатия, почти целым счастьем наградили нас. Ссылные старого времени (т. е. не они, а жены их) заботились об нас, как о родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пишу, одежду, утешали и ободряли нас».

МНОГО лет спустя, а именно — в «Дневнике писателя» 1873 года, Достоевский опять возвратился к этому дорогому для его души воспоминанию:

«... в Тобольске, когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов умоляли смотрителя острога и устроили в кварире его тайное свидание с нами. Мы увидели этих великих страдальцев, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили все: знатность, богатство, связи и родные, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, само о свободного долга, какой только может быть. Ни в чем не повинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли все, что перенесли их осужденные мужья. Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждому оделили Евангелие — единственную книгу, позволенную в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге».

Организатором передач, свидания и последующей (уже «зачочной» — из Тобольска в Омск) помощи Достоевскому и Дурову явилась, как известно, Наталья Дмитриевна Фонвизина. Но у нее были деятельные помощники — П. Е. Липецкова, Ж. А. Муравьева, Мария Францева — близкая подруга Ольги Анненковой.

А. ЛЕЙФЕР.

(Продолжение следует).

¹ Исследовательница Э. А. Павловично считает — побег не состоялся из-за нехватки денег. Мать Анненкова не дала их из принципиальных соображений: «Мой сын — беглец... Я никогда не соглашусь на это, он честно попорится своей судьбой». Мне же хочется высказать следующее предположение. Побег, видимо, не устроил прежде всего самого Анненкова (как, кстати, и некоторых других декабристов). Он считал, что бегство (бегство, разумеется, за границу — куда бежать в России!) было бы трусостью, изменой по отношению и соратникам по Обществу. (А денег, мне кажется, его подруга достала бы!)

² В тот момент П. Гельб была беременна. Этого ребенка (дочь) она впоследствии вынуждена была оставить у бабушки.

³ Вы, конечно, поняли, что это и есть Константин Иванович Иванов. Письмо, которое здесь цитируется, было отправлено «с okazji», т. е. нелегально.

⁴ Кстати сказать, это не та тюрьма, фотография которой помещена в популярной книге «Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах». (М., «Прозвещение», 1972, стр. 149). Фотография, напечатанная в данной книге, запечатлела здание, построенное несколькими годами позже. (См.: Виктор Антонович Арцимович. (Воспоминания-характеристики). Спб., 1904, стр. 42).

„Очень напоминала отца...“

(Письма Ольги Анненковой)

2. СТРОКИ УЧАСТИЯ

АННЕНКОВЫ сыграли в сибирском лихолетье Достоевского роль немалую. Праксэвья Егоровна, видимо, используя свои родственные связи (это предположение), оказала Достоевскому и Дурову немалую услугу: выхлопотала, чтобы их везли из Тобольска в Омск, а не гнали пешком «по тапу», как того требовала инструкция (был январь!). Исследователи¹ сибирского периода биографии Ф. М. Достоевского утверждают, что Анненковы приезжали в Омск. Утверждение основано и на следующих словах Достоевского из его письма к Праксэвье Егоровне (будем теперь уже называть ее так) от 13 октября 1855 из Семипалатинска:

«Я всегда буду помнить, что с самого прибытия моего в Сибирь вы и все превосходнейшее семейство ваше брали и во мне, и в товарищах моих по несчастью полное и искреннее участие. Я не могу вспоминать об этом без особенного, утешительного чувства и, кажется, никогда не забуду. Кто испытывал в жизни тяжелую долю и знал ее горечь, особенно в иные мгновения, тот понимает, как сладко в такое время встретить братское участие совершенно неожиданно».

И дальше:

«Вы были таковы со мною, и помимо встречу с вами, когда вы приезжали в Омск и когда еще я был в наторге».

А потом о героине нашего очерка:

«...знакомство (с Ольгой Ивановой — А. Л.) будет всегда одним из лучших воспоминаний моей жизни. Полтора года назад, когда я и Дуров вышли из наторги, мы провели почти целый месяц в их доме.

Вы поймете, какое впечатление должно было оставить такое знакомство на человека, который уже четыре года, по выражению моих прежних товарищей — наторжных, был, как ломоть отрезанный, как в землю закопанный. Ольга Ива-

новна протянула мне руку, как родная сестра, и впечатление этой прекрасной, чистой души, возвышенной и благородной, останется светлым и ясным на всю мою жизнь. Дай бог ей много-много счастья — счастья в ней самой и счастья в тех, кто ей милы. Я бы очень желал узнать что-нибудь о ней. Мне кажется, что такие прекрасные души, как ее, должны быть счастливы...»

Найдено несколько писем Ольги Ивановой к Наталье Дмитриевне Фонвизинной — из Омска² в Тобольск. Сразу оговорюсь: в находке нет ничего сенсационного. Но тем не менее нам, дорожащим каждой деталью пребывания Достоевского в нашем городе, интересны всякие подробности, в том числе и те, что содержатся в этих письмах.

Подлинники их хранятся в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве. Писались они на французском языке, и я хочу сейчас поблагодарить за труд преподавательницы Омского педагогического института Лидию Ивановну Ивасюк, которая перевела их на русский. Это была серьезная работа, ибо текст скорописный, ему более ста пятидесяти лет, некоторые слова (особенно — и это жаль! — фамилии) вообще недоступны дешифровке.

Но, несмотря на то, что, благодаря Лидии Ивановне, мы сможем сейчас познакомиться с некоторыми интересными деталями.

ИТАК, письмо первое. От 12 июня 1852 года³.

Ольга Иванова, дочь государственного преступника, пишет жене государственного преступника Наталье Дмитриевне Фонвизинной из Тобольска:

«Дорогая и добрейшая Наталья Дмитриевна!

Я задержалась с ответом только потому, что обязательно хотела увидеть тех, кто нас интересует, чтобы иметь возможность сообщить вам более положительные новости, и т. к. каждый день я надеялась увидеть их на следующий день, я все откладывала свое письмо, так что незаметно для меня прошел почти месяц... время проходит быстро в связи с недавним замужеством».

Конечно же, к этому письму

(как и к последующим) нужны комментарии.

Молодая женщина переехала из Тобольска в Омск — к месту службы мужа. Она тоскует о родителях, о подругах, о родном тобольском кремле... О Наталье Дмитриевне, наконец (ведь в доме Фонвизинных она бывала чуть ли не каждый день).

«Те, кто нас интересует» — это, понятное дело, Достоевский и Дуров. При отъезде Ольги из Тобольска Наталья Дмитриевна Фонвизина поручила своей молодой подруге и воспитаннице информировать ее о жизни омских узников. И в этом письме, и в последующих Алипеевско-Иванова ни разу не назовет их по именам: корреспонденция могла попасть в руки властей, а следовательно — могла и подвергнуться перлюстрации.

В третьем абзаце письма фигурирует Мария Францева, чье имя уже упоминалось в этом очерке. Ее братья учились в Сибирском кадетском корпусе.

«До сего времени я не смогла ничего узнать о двоюродных братьях Марии, за исключением того, что один из них, старший, болен, а другой чувствует себя хорошо, но я не терплю надежды встретиться с ними однажды...»

Дальше — подробности, хоть и не касающиеся «влияющую» тему «Достоевский в Омске», но тоже ценные тем, что рисуют атмосферу, царившую в нашем городе тех времен:

«Скоро месяц, как мы в Омске, а между тем я еще не познакомилась с обществом — оно мне так чудно, что я и нему скоро не привыкну. И я остро чувствую, как мне недостает всех тех, кого я оставила в Тобольске. Я видела многих господ, это все верноподанные слуги, есть даже один, который крестится каждый раз, когда ему случается проходить мимо портрета (эта фамилия, как и некоторые другие, дешифровке не поддавалась, но нет сомнения в том, что на портрете был изображен Николай I — А. Л., или, по меньшей мере, ему хочется это сделать, по его словам».

Контраст между Тобольском (одной из основных в то время декабристских «колоний») и чиновничьим Омском был

для Ольги Ивановой, буквально с материнским молоком впитавшей декабристское мировосприятие, разительным. Атмосфера в Тобольске создавалась именно декабристами и их окружением — как ни коробило это местную администрацию. Омск же был городом бюрократическим, вымуштрованным.

«Мне недостает всех тех, кого я оставила в Тобольске». Здесь речь не только о родственниках, а и о «тобольских» декабристах — друзьях отца: Свистунове, Семенове, Штейнеле; конечно, Фонвизинных и других — их имена также не упоминаются в этом письме.

Приведу и последний его абзац. В нем тоже есть намек о тобольских наставниках-декабристах, но меня лично прельщают в этих строках чисто человеческие, женские черты Ольги Ивановны — ее непосредственность и искренность перед старшей подругой, знавшей ее с младенчества:

«...Мне слишком хорошо дома, и я не ищу удовольствия и развлечения, муж любит меня, я привязана к нему; что еще нужно, чтобы быть довольной своей судьбой? Поэтому я бы была абсолютно счастлива, если бы не страдала от того, что покинула своих родителей и всех тех, кто мне так дорог...».

Дальше пишется о том, что семья Ивановых всдет «удалинное существование», и дом, в котором они живут, «расположен так, что я вижу из окон лишь крепостной вал».

В конце письма передан привет «доброму и уважаемому» Михаилу Александровичу Фонвизину.

А на обороте некоторое время спустя Ольга Ивановна сделала (по-русски) приписку Михаилу Александровичу — просто несколько хороших слов.

А. ЛЕПФЕР.

(Окончание следует).

¹ Н. Линчевская, А. Певзнер, В. Райнерман, М. Громыко.

² Неломнимым, в это время только что Ольга вышла замуж за Е. И. Иванова.

³ Рапортничком Достоевски был доставлен в Омск в январь 1850 года.

„Очень напоминала отца...“

(Письма Ольги Анненковой)

3. РАСКРОЕМ КНИГУ ДОСТОЕВСКОГО

СЛЕДУЮЩЕЕ письмо отослано из Омска 24 июня того же, 1852-го года.

Первая фраза, может быть, и не имеет отношения к Достоевскому, но привести ее хочется, ибо она несколько загадочна: речь идет о каких-то книгах, которые привез некий человек (фамилия его написана неразборчиво) от Фонвизина в Омск. Что это за книги? Кто этот человек?

«Дорогая и добрая Наталья Дмитриевна! Только что получила Ваши письма, а также книги и хочу воспользоваться первой почтой, чтобы ответить Вам, поэтому пишу впопыхах. Все, что мне вручил господин... (фамилия не поддалась расшифровке — А. Л.), скоро придет по месту своего назначения».

Куда, кому? Это загадки, которых нам, видимо, не разгадать.

А дальше опять все понятно. Опять идет речь о Достоевском и Дурове. Идет речь без абзаца, и это дает нам повод предполагать, что предыдущий разговор велся именно о них же.

«Недавно мой муж видел одного из тех, кто дорог нам, они долго беседовали. Что-то мешают им приходиться к моему мужу, как это случилось раньше, и поэтому я их еще не видел».

Даже эти, казалось бы, незначительные фразы стоят того, чтобы на них остановиться.

Раскроем «Записки из Мертвого дома» — книгу, подчеркиваю, во многом документальную. Там есть два в данном случае интересующих нас момента.

Первый: «...нам (т. е. Достоевскому и Дурову — А. Л.) не делали и

не смели делать никакой поблажки, никакой облегчения перед прочими арестантами в работе. Но один раз, однако, попробовали сделать: я и Бкий целых три месяца ходили в инженерную канцелярию в качестве писарей. Но это сделалиши открыто и сделало инженерное начальство».

Вообще допустимо предположить, что именно К. И. Иванов (с негласного благоволения своего непосредственного начальника — генерала Бориславского, ответственного за все инженерные работы в Омской крепости) устроил Достоевскому эту передышку.

Второй момент (из той же VIII главы, называющейся «Товарищи»):

«Из инженеров были люди (из них особенно один), очень нам симпатизировавшие. Мы ходили, переписывали бумаги, даже почерк наш стал совершенствоваться, как вдруг от высшего начальства последовало немедленное повеление поворотить нас на прежние работы: кто-то уж успел донести!»

«Особенно один» — это Константин Иванович Иванов.

Что же касается доносов, есть весьма достоверное свидетельство: запись литератора П. Мартыянова, сделанная еще в прошлом веке со слов одного из офицеров, несших караульную службу в Омской каторжной тюрьме во время пребывания в ней Достоевского. Некий служитель военного госпиталя, где Достоевский, как и другие арестанты, лечился (своей больницей в остроге не было), «просигнализировал» в столицу, что к писателю-каторжнику относятся в госпитале «по-особому». Это и в самом деле было так, но свидетелей, которые подтвердили бы сей «сигнал», не нашлось. Достоевский же, по словам Мартыянова, «на сделанный ему следователем вопрос: не писал ли он чего-либо в остроге или когда находился в госпитале? — ответил:

— Ничего не писал и не пишу, но материалы для будущих писаний собираю.

— Где же материалы эти находятся?

— У меня в голове».

И еще одно свидетельство — опять же из «Записок» (обратите внимание, как по своей тональности оно созвучно с живым человеческим документом — первым письмом О. И. Ивановой!):

«Я знаю, что в этом городе в недавнее делопрошедшее время было столько доносчиков, столько рывших друг другу яму, что начальство, естественно, боялось доноса. А уж чего страшнее было в то время доноса о том, что известного разряда преступникам дают поблажку!»

Вот так — с помощью самого автора «Записок из Мертвого дома» — мы и прокомментируем письма Ольги Ивановой.

Дальше это письмо цитировать не стоит — речь там идет о предметах из нашего разговора несущественных.

В ОДНОМ из последующих писем (от 22 июля 1852 года) — опять упоминание о петрашевцах:

«Мария должна была сообщить Вам то, что я ей написала по поводу тех, кто нас интересует. С тех пор, как они находятся в больнице (в госпитале), связь невозможна, можно лишь передавать им книги. Я передала сама Ваше послание младшему, он просил меня сказать Вам, что он и его товарищ проинунты благодарности к Вам. Он так горячо благодарил меня за интерес, который мы к ним проявляем, что я почувствовала, что у меня разрывается сердце от сожаления, что невозможно сделать больше для этих славных молодых людей. Тот, которого видела, сильно изменился, он утратил ту энергию, с которой он говорил раньше, мне было больно смотреть на его одежду и особенно на его обезображенную голову. Я заметила по всему тому, что он мне сказал, что надежда покинуть их мерзкую (отвратительную) тюрьму очень поддерживают их. Теперь им лучше, чем раньше, но по-прежнему это не значит, что им хорошо».

Потом идут чисто личные, извините, чисто дамские дела — моды, фасоны и т. п., а потом приписка:

«Прошу Вас, добрая Наталья Дмитриевна, напомнить обо

мне (господам) Пушкину и Свистунову».

Приписка эта касается проживавших тогда в Тобольске декабристов Павла Сергеевича Бобринцева - Пушкина и Петра Николаевича Свистунова.

Это так, по ходу дела. А теперь же необходимо подробно и обстоятельно сказать о предыдущем тексте данного письма, так как в нем содержатся подробности, доселе неизвестные.

В госпитале те, кто интересовал Н. Д. Фонвизину, О. И. Иванову и их друзей, находились довольно часто. И устранили их туда опять же не без очной и заочной помощи этих людей. Как видим, в те дни, когда узники находились в госпитале, им можно было передать книги.

«Я передала Ваше послание младшему...»

Весьма важный факт. «Младший» — это Достоевский (он родился в 1821 году, Дуров — в 1816-м). То, что Н. Д. Фонвизина писала Достоевскому еще тогда, когда он был узником Омского острога, известно: одно из писем этого времени сохранилось и опубликовано. Но относится оно к более позднему периоду.

Письмо, о котором упоминает Ольга Ивановна, пока неизвестно. И если уж зашла речь о письмах, скажем следующее. Поскольку Ивановна, по ее словам, сама передавала письма от Фонвизинной к Достоевскому, то, следовательно, она, будучи «почталыном», могла передавать корреспонденцию и в обратную сторону.

Передавать письма Достоевского, с которыми сегодня до сих пор незнакомо мировое литературоведение!

Важен для нас сегодня и «словесный портрет» Достоевского, сделанный Ольгой в этом письме.

Много лет спустя, в первой половине семидесятых годов,

в записной тетради Ф. М. Достоевского появится петербургский адрес:

«Конст(антин) Ив(анович) Иванов, на Поварской (или в Поварском переулке) близ Владимирской, дом № 13».

Литературоведы полагают: данная запись появилась в связи с тем, что Достоевский получил письмо от давнего товарища — соратника по кружку Петрашевского Н. А. Момбелли, где говорилось: «Ольга Ивановна, урожденная Анненкова, очень желает возобновить знакомство».

Ивановы жили тогда уже в Петербурге.

Что еще?

Я видел в том же Рукописном отделе Ленинской библиотеки несколько записок и писем Ольги Ивановны ко второй жене Достоевского — Анне Григорьевне. Из них ясно, что конец жизненного пути дочери декабриста был нелегким — она очень нуждалась материально и, кажется, умерла в нищете (год смерти — 1891-й, муж умер в 1887-м).

Анна Григорьевна, насколько я понял, пыталась помочь ей.

А на одном из писем Ивановой рукой А. Г. Достоевской помечено: «Друг в Сибири Достоевского».

Друг.

И в своих знаменитых «Воспоминаниях» Достоевская упоминает Анненковых — и старшую, и младшую.

А в заключение следует сказать, что Ольга Ивановна Анненкова - Иванова, как и ее подруга Францева, ошущала историзм того времени, в котором ей пришлось жить, осознавала значимость, интересность собственного отца и его товарищей для потомков. Мы благодарны ей за запись воспоминаний матери и за ее собственные воспоминания о декабристах — то и другое уже неоднократно издавалось.

А в самом-самом конце хочется высказать одну мечту. Ее, я уверен, таят в душе многие: найти бы архив Ивановых-Анненковых! Вдруг он где-нибудь, как-нибудь сохранился?

Александр ЛЕЙФЕР.

¹ Томе политический заключенный — поляк Брайловский — А. Л.

² Эти два слова специально выделены Достоевским.

³ Т. е. Достоевскому! — А. Л.